

12.00.00 ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ**12.00.00 LAW SCIENCES**УДК 342.726+341.234
ББК 67.400.32

DOI: 10.25683/VOLBI.2020.52.328

Losev Konstantin Viktorovich,
Doctor of Economics, Professor,
Dean of the Department of Humanities,
State University
of Aerospace Instrumentation,
Russian Federation, Saint Petersburg,
e-mail: k.losev@mail.ru;

Лосев Константин Викторович,
д-р экон. наук, профессор,
декан Гуманитарного факультета,
Санкт-Петербургский государственный университет
аэрокосмического приборостроения,
Российская Федерация, г. Санкт-Петербург,
e-mail: k.losev@mail.ru;

Mikhailov Vadim Viktorovich,
Doctor of History, Assistant Professor,
Professor of the Department of History and Philosophy,
State University
of Aerospace Instrumentation,
Russian Federation, Saint Petersburg,
e-mail: batukom@mail.ru

Михайлов Вадим Викторович,
д-р ист. наук, доцент,
профессор кафедры истории и философии,
Санкт-Петербургский государственный университет
аэрокосмического приборостроения,
Российская Федерация, г. Санкт-Петербург,
e-mail: batukom@mail.ru

**АВТОНОМИЯ И НАЦИОНАЛЬНОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ
КАК ФОРМЫ ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ КОЛЛЕКТИВНЫХ (ГРУППОВЫХ) ПРАВ**

**AUTONOMY AND NATIONAL SELF-DETERMINATION
AS THE FORMS OF LEGAL PROTECTION OF COLLECTIVE (GROUP) RIGHTS**

- 12.00.11 — Судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность
(03 — Правозащитная и правоохранительная деятельность)
12.00.11 — Judicial activities, prosecutorial activities, human rights and law enforcement
(03 — Human rights and law enforcement)

В статье исследован ряд малоизученных теоретических вопросов правовой защиты на основе понятия и принципов группового (коллективного) права и рассмотрены некоторые аспекты правоприменения принципов группового (коллективного) права в истории развития международной системы защиты прав национальных меньшинств и других национальных коллективов; показано, что понятие группы и группового права является в широком юридическом толковании наиболее системным и может стать основанием для устранения разночтений в правовых актах, применяющих различные термины, определяющие объект правовой защиты отдельных национальных сообществ в социуме; показан ряд исторических оснований создания системы международной правовой защиты национальных групп; выделены проблемные факторы, препятствующие эффективной реализации заложенных в основополагающих международных документах целей, причиной которых являются разночтения в определении объектов правовой защиты и сочетаемости их интересов с интересами других правозащитных объектов; показано современное состояние международной и российской системы защиты прав национальных групп и сообществ и перспективы применения теории групповых прав для гармонизации его различных уровней и реализации общих целей правовой защиты отдельных частных индивидов, групп как особенного

целого, отдельных государств и всего мирового сообщества как высшего уровня объектов права. В заключении исследования сделан вывод о том, что признание особой сферы «автономии групп» также может служить условием создания демократического правового режима, в котором власть осуществляется группой индивидов, наделенных этим правом всей группой, и это позволит соотнести декларируемые всеобщие права с индивидуальными.

The article examines a number of the little-studied theoretical issues of legal protection based on the concept and principles of group (collective) law and considers some aspects of the law enforcement of these principles of group (collective) right in the history of the international system of protection of the rights of the national minorities and other national collectives; it is shown that the concept of group and group right is the most systematic in a broad legal interpretation and can become the basis for eliminating discrepancies in legal acts that apply different terms that define the object of legal protection of the individual national communities in society; a number of historical reasons for creation of a system of the international legal protection of national groups are shown, and problematic factors that hinder the effective implementation of the goals set in the fundamental international documents are highlighted, the reason for which is the discrepancy in the definition of objects

of legal protection and the compatibility of their interests with the interests of other human rights objects; it shows the current state of the international and Russian system of protection of the rights of national groups and communities and the prospects for applying the theory of group rights to harmonize its various levels and implement the general goals of legal protection of private individuals, groups as a special whole, individual states and the entire world community as the highest level of the objects of law. The study concludes that the recognition of a special sphere of "group autonomy" can also serve as a condition for creation of a democratic legal regime, in which power is exercised by a group of individuals, endowed with this right by the entire group, and this will allow correlating the declared universal rights with the individual rights.

Ключевые слова: групповое право, коллективное право, национальная группа, уязвимые группы, самозащита гражданских прав, право наций на самоопределение, право на компенсацию за нарушение прав наций, национальная автономия, федерализация, непризнанные государства, двойные стандарты в правовом поле.

Keywords: group right, collective right, national group, vulnerable groups, self-defense of civil rights, the right of nations to self-determination, the right to compensation for violations of the rights of nations, national autonomy, federalization, unrecognized states, double standards in the legal field.

Введение

Актуальность исследования обусловлена тем, что современное мировое сообщество и эксперты в области теории права пришли к признанию того, что правовая система, исходящая из принципа соблюдения, ненарушения и недискриминации прав отдельного индивида, не всегда может защитить права человека как члена группы, т. е. к необходимости выделения в области права группы как особого объекта правовой защиты. Тем не менее теория групповых прав до сих пор остается наименее разработанной, а следовательно, чаще всего игнорируемой в правозащитной практике и подверженной неверным толкованиям и искажениям с точки зрения основ правовой культуры. Исходя из этого, необходим комплексный подход к проблеме гармонизации практики реализации прав личности, группы, государства и мирового сообщества, что, в свою очередь, предполагает теоретическое обоснование сочетаемости этих областей правовой защиты человека и человеческого общества, включая особенные права коллектива (группы).

Степень разработанности проблемы. Изучением общего статуса групповых прав занимаются М. Б. Напсо и М. Д. Напсо [1], Е. В. Регеда [2], А. А. Романов [3]. Тема правовой защиты уязвимых групп рассмотрена в работе Е. С. Алисиевич [4]. В работе С. Н. Горбунова и Б. А. Молчанова [5] рассматриваются теоретические аспекты прав наций и национальных меньшинств как групповых прав. В зарубежной юридической теории вопрос о правомочности группы как особого объекта международного и государственного права ставился такими специалистами, как В. ван Дайк [6], Й. Динштейн [7], П. Джонс [8]. Однако, рассматриваемые в рамках либеральной парадигмы мультикультурализма, групповые права и возможности их реализации в конкретной правозащитной деятельности подвергались критике, а их реализация признавалась ущербной в отношении прав других групп. Такая позиция создавала

теоретический и практический разрыв между индивидуальным и всеобщим уровнями правовой защиты, а в практической области приводила к «двойным стандартам» в отношении прав народов на автономию и самоопределение. Таким образом, можно утверждать, что позитивное исследование прав национальных меньшинств как групповых прав в настоящее время явно недостаточно и требует как теоретической переоценки, так и включения разработанной теории групповых прав в общую систему практической правозащитной деятельности.

Цель исследования заключается в анализе теории и практики правовой защиты национальных меньшинств как групп.

В соответствии с целью были поставлены следующие **задачи**:

- рассмотреть современное состояние степени исследованности понятия коллективных (групповых) прав;
- дать научную трактовку историко-правовых аспектов защиты национальных меньшинств в контексте понятия о групповых (коллективных) правах;
- определить правовые основы компенсации за нарушение групповых прав национальных групп и меньшинств в современной правозащитной практике.

Научная новизна исследования заключается в том, что в нем:

- рассмотрены вопросы сочетаемости групповых и индивидуальных прав в системе правовой защиты национальных групп и сообществ вне зависимости от их официально-го признания и статуса;
- дан анализ теоретического обоснования применения групповых прав для защиты национальных групп в отечественных и международных правовых актах.

Теоретическая и практическая значимость исследования заключается в использовании теоретических положений и выводов исследования в правозащитной деятельности и юридической практике защиты прав национальностей, а также при подготовке учебной и научной литературы по теме исследования.

Основная часть

Вопрос реализации права национальных сообществ на защиту как компенсация за нанесенный ранее и за продолжающийся наноситься этим сообществам ущерб редко становится темой изучения. Как пишут С. Н. Горбунов и Б. А. Молчанов, «о коллективном праве на компенсацию редко заявляют и его редко признают» [5, с. 116]. Тема особенно щекотлива для государства, считающего себя образцом демократии, — Соединенных Штатов Америки. В теоретическом плане объективному рассмотрению признания коллективного права национальных сообществ и других групп населения на компенсацию мешает дилемма, возникающая перед правительствами либеральных государств и их правовой системой. «При том, что некоторые коллективные права могут соответствовать ценностям либерализма, другие, а именно те, которые заявляются группами, не имеющими явно выраженных индивидуальных моральных оснований (этнические, национальные и расовые группы), могут противоречить, в частности, либеральным ценностям индивидуализма. Попытки разрешить проблему создают новые специфические трудности...» [5, с. 116].

В результате, правовая система либерального государства отдает предпочтение не признанию группового права на компенсацию, а мерам по практическому улучшению положения сообщества, на такое признание претендующего.

В США эта практика заключается в так называемых аффирмативных мерах, т. е. в неформальном признании прав понесших тот или иной ущерб групп, заключающемся в признании и принятии мер по компенсации ущерба в отношении установленного числа лиц. Более того, эта ситуация также приводит к тому, что государства, чья политическая система не основана на индивидуализме и верховенстве прав личности, не только лишают своих граждан правового определения права на компенсации как группового права, но и на уровне прав личности не осуществляют правовую защиту в этой области.

В случаях подобного нарушения прав граждан в нелиберальных обществах и государствах трудности с компенсацией за нанесенный ущерб становятся непреодолимыми ни на внутреннем уровне, ни на уровне международном. Как пишет М. Вальцер, «несмотря на то, что правовая культура требует признания компенсации за деспотическое обращение, практически это требование не может быть осуществлено» [9, pp. 46—48]. И, как показывает опыт внешнего вмешательства США и европейских стран в целях свержения деспотических режимов и установления более демократического образа правления в ряде стран, эти попытки ведут к полной дестабилизации государств, усилению конфликтности в них, увеличению меры страдания всего населения, подвергающегося насильственной «демократизации». Таким образом, возникает новый круг нанесения ущерба различным группам населения, новые проблемы с признанием этого ущерба и с определением права на компенсацию.

Перспективной областью правозащитной теории и практики является выработка правовых и законодательных условий «самозащиты гражданских прав», или того, что авторы монографии [10] В. М. Боер, П. П. Глушенко и М. В. Сербин называют «правовой самообороной», указывая на ст. 51 Устава ООН, подразумевающей в случае вооруженного нападения право обратиться к индивидуальной и даже коллективной самообороне [там же, с. 35]. Однако коллизии применения этого положения, в частности регламентация и юридическое определение таких явлений, как бунт, восстание, революция и террористический акт, переплетение социальных, политических и иных влияний на конфликты и форм противостояния, оказываются столь сложными, что на сегодняшний день препятствуют любой правовой кодификации.

Ярким примером этого является ответ английского представителя на Парижской мирной конференции в 1919 г. относительно создания армянского государства на территории «Турецкой Армении». Поскольку в результате массового выселения армянского населения с этих территорий, проводимого в годы Первой мировой войны правительством Османской империи, армян там практически не осталось, а выселенные лица в подавляющем большинстве либо погибли, либо эмигрировали из страны, английский представитель предложил снять вопрос не только о создании армянской автономии или государства, но и о возвращении выселенных остатков народа, поскольку даже в этом случае оно не станет снова преобладающим по численности. При этом вооруженная самооборона выселяемых армян, греков и других христианских меньшинств оказалась фактором, по сути, оправдывающим государственную практику выселения этих групп с мест их коренного проживания, так как эти территории оказались вблизи турецко-российского фронта [11, с. 298—300].

Кроме того, «гражданская самооборона» должна находиться в общегосударственном правовом пространстве, не нарушать суверенитет, уголовное законодательство,

в общем смысле — права других лиц и групп населения. Поэтому возникает вопрос об органах реализации этого права, их статусе и юридической ответственности, в каком-то смысле речь идет о наличии еще одной административной (или социальной) группы или групп, осуществляющей соблюдение, реализацию, контроль и обеспечение законности «самозащиты». И это ставит еще одну проблему — вопрос о возможности возобновления самозащиты в случае, если действия законных органов оказались безуспешными [10, с. 37].

Как можно видеть, отсутствие в теории права разрабатанной области коллективных и групповых прав, являющихся связующей областью между конкретными правами личности и всеобщими общечеловеческими правами, препятствует реализации как первых, так и вторых. Прежде всего следует признать за группой моральные права, в число которых должно входить и такое связанное с понятием справедливости понятие, как право на компенсацию за несправедливость. В целом, как справедливо замечает А. А. Романов, в отношении субъектов права на самоопределение либеральная теория наиболее комплементарна «естественным» началам: «Если каким-либо образом можно было бы предоставить право на самоопределение каждому отдельному человеку, как писал классик либерализма Людвиг фон Мизес, то это следовало бы сделать, однако... индивидуальные права направлены в первую очередь на защиту прав и свобод человека и не направлены на защиту особого коллектива индивидуумов» [3, с. 86].

Также можно отметить, что компенсация индивиду, скорее всего, не является гарантией ненарушения и дальнейшего ненападения ущерба и ему, и другим членам группы. Только определение и признание собственно общего, группового права на компенсацию делает возможным изменение отношения к группе как целому, т. е. становится условием гарантии того, что нанесение ущерба будет прекращено.

Наибольшие трудности при этом возникают в современной правовой защите групп и практике компенсации за ущерб в направлении к созданию нового правового положения группы, при котором образуются правовые гарантии дальнейшего ненарушения групповых прав. Обычно эту практику отождествляют с реализацией права наций на самоопределение. Декларируемый еще в первой половине XX в. принцип самоопределения народов «утвердился в международных отношениях и международном праве после принятия Устава Организации Объединенных Наций (ООН) в 1945 г.» [12, с. 16]. Выделяют шесть исходных национальных групп, к которым применялся принцип самоопределения:

- к народам, составляющим часть внутри страны, управляемой другим народом (ирландцы в составе Великобритании, большинство коренных народов и племен);
- к народам, составляющим меньшинство в более чем в одной стране и не имеющим собственной государственности (курды, ассирийцы);
- к народам, являющимся меньшинством в одной стране и имеющим собственную государственную структуру (русские на Украине, мексиканцы в США);
- к народам, разделенным на несколько государств (немцы Германии и Австрии, англичане Великобритании, Австралии и Новой Зеландии);
- к народам, находящимся в колониальной зависимости [12, с. 20—21].

В дальнейшем происходила «корректировка», увеличение числа национальных групп, которые имели гарантированное право на самоопределение, однако до сих пор четкого и однозначного международно-правового определения так и не было создано. Что же касается права национальных меньшинств на самоопределение, то оно до сих пор не признано. Как пишет М. Д. Смыслов, «по международному праву меньшинства не имеют права на самоопределение» [13, с. 100] и, отмечает С. Р. Алексанян, «могут отделяться от суверенных государств лишь в крайних случаях, когда, например, систематически, грубо и массово нарушаются их права» [12, с. 163]. Таким образом, можно заключить, что право на самоопределение рассматривается как гарантия прекращения нанесения ущерба национальному обществу, но реализация этого права сопряжена с большим числом оговорок и вторичных условий и создает условия для различного толкования в различных случаях, т. е. ситуации двойных стандартов, как это происходит в случае признания Косово, Абхазии, Южной Осетии и Приднестровья [14].

И даже более «мягкие» формы права наций на самоопределение, какими являются автономия и федерализация, часто ограничиваются. В целом, как отмечают С. Н. Горбунов и Б. А. Молчанов, «требование автономии со стороны групп рассматривается как требование ограниченного самоопределения» [5, с. 375]. В специальном докладе ООН о проблемах меньшинств в августе 1993 г. А. Эйде заявил: «Менее ясно, имеют ли группы право, на основании права на самоопределение, на некоторое самоуправление или автономию в государстве» [15]. И лишь в некоторых, неоговоренных докладчиком случаях, он утверждает, что «отдельные формы территориального деления могут служить практическому обеспечению существования и идентичности этнической группы, если это не противоречит демократическим принципам» [там же].

В международных актах Лиги Наций и сопутствующих им государственных правовых актах первой половины XX в. так и не было выработано единого правового подхода к автономии. При этом расширительное толкование автономии не только как реализации ограниченных прав на самоопределение этнических групп в многонациональных государствах, но и как реализации иных групповых прав, в частности прав меньшинств, которые приобретают коллективный характер, таких как языковой, религиозный или территориальный, позволяет этому принципу стать одной из наиболее эффективных форм защиты групповых (коллективных) прав.

Сам термин «автономия» прямо указывает на правовой аспект самоопределения, причем ограниченный, по сути, политическими основами государственного строя, однако именно этому его правовому аспекту в современной либеральной западной правовой мысли часто пытаются придать политический или общеидеологический характер. Так, П. Торнберри, говоря о правах меньшинств, пишет, что «... автономизация является лишь курсом, политической прагматикой, но ее выражение лишено четко определяемых правовых норм. Автономия — это не столько правовая регламентация, сколько форма политической гарантии» [16, р. 123].

Тем не менее в современном мире, наполненном внутрисубъективными и межгосударственными конфликтами на этнической, религиозной и языковой почве, преимущества автономии как ограниченного группового права на самоопределение, причем ограниченного не в правовом, а в политическом пространстве, находят все больше сторонников, хотя одновременно усиливаются и голоса тех, кто видит в автономии угрозу стабильности власти.

Несмотря на то что в правовом смысле автономия обладает и должна обладать возможностями обеспечивать права национальных, языковых и иных культурно обособленных групп в широком правовом поле, исключая вопросы государственного строя, государственной безопасности, внешней политики, т. е. стать *modus operandi* реализации и защиты коллективных прав, отсутствие регламентации ее статуса в современном международном правовом законодательстве не позволяет этого. При этом население государства в полном своем составе имеет право на самоопределение, поэтому возникающие противоречия в практическом понимании этого права между различными группами населения, без сомнения, становятся точкой внутрисубъективных конфликтов, а в случае когда национальная группа одного государства является суверенной нацией другого, это вызывает и межгосударственные конфликты, направленные на уравнивание в правах всех лиц одной национальности.

Система либерального права, разрывающая области индивидуального и всеобщего права, именно в силу этой своей особенности не признает прав на автономию как группового права, без разрешительного или намеренного содействия правительств. Примат индивидуальных прав делает возможным практику репрессирования прав групп, и это хорошо видно на примере событий, произошедших в мире в последние годы. Репрессии в отношении решения народов Крыма, отказавшихся от неестественного положения меньшинства в границах Украинского государства, не признающего их прав на автономное развитие, использование родного языка, культуры, исторического наследия и других, казалось бы, гарантированных прав, относящихся ко всем гражданам, явно указывают на противоречивость правозащитной теории, позволяющей оправдывать эти репрессии, и неравенство в правозащитной практике, не позволяющее прекратить нанесение ущерба не только отдельным группам населения, но и всему населению Крыма в целом [17, с. 13].

Можно отметить ряд ограничительных моментов, которые могли бы быть сняты в случае признания групповых прав в качестве правового «посредника» между индивидуальными и общими правами. В первую очередь, это стратегия обязательной демократии, т. е. участия в политическом процессе через выборное представительство. Наличие собственной демократической политики национального сообщества может быть признано и обеспечиваться участием на общегосударственном уровне.

На международном уровне многие проблемы коллективного права национальных и территориальных групп на самостоятельное избрание своей судьбы сегодня не только сохраняются, но и обостряются. Более чем столетняя история провозглашения права наций на самоопределение, как можно видеть, не привела к систематизации и международной легитимизации условий осуществления этого права. Показательно, что в последние годы ситуация с сепаратистскими движениями даже в таких государствах либерального устройства, как США и страны Западной Европы, настолько усложнилась, что стала подрывать политическое положение как Евросоюза (Брексит), так и ряда отдельных государств (Испания, Великобритания, Бельгия). В США национальные проблемы в ряде штатов явно ведут к обособлению этих штатов от единого правового поля конфедерации, если не угрожают ее распадом. Можно сказать, что политика двойных стандартов, которую ведут эти страны по отношению к национальным и народным сообществам,

объявившим о своих правах на самостоятельное историческое развитие, бьет и по лидерам современного мира.

Заключение

Концепция национальной автономии и основывающийся на ней институт автономии как форма демократического «распределения власти» между проживающими в одном государстве народами до сих пор остаются в теоретическом плане проблемными, а в практическом — экспериментальными. Либеральная система права, основанная на принципах примата индивидуального, не способствует реализации

и вхождению в правовое поле понятия коллективного права на компенсацию, несмотря на то что определенная практика компенсации, снижающая конфликтность как в обществе, так и в понесшей ущерб группе, фактически существует. Недостатки правового поля международных отношений, часть которых видится нами как отрицание особой области коллективных прав групп, в том числе наций и народов, ведут к тому, что международное право используется в неблагоприятных политических и экономических целях, а мировое сообщество теряет доверие к международным органам правовой регуляции и правовой защиты.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Напсо М. Б., Напсо М. Д. Права народов и права индивида: социально-философские и правовые аспекты соотношения индивидуальных и коллективных прав // *Право и политика*. 2012. № 11. С. 1907—1917.
2. Регада Е. В. Коллективные права этнических общностей в конституционном праве Российской Федерации : автореф. дис... канд. юрид. наук. Пенза, 2009. 27 с.
3. Романов А. А. Коллективное и групповое измерение в исследовании правосубъектности этнической общности // *Коллективные права этнических сообществ: проблемы теории и практики* : сб. науч. тр. / Отв. ред. Ю. В. Попков, И. С. Тарбастаева. Новосибирск : Манускрипт, 2017. 196 с. С. 81—89.
4. Алисиевич Е. С. Поощрение и защита прав уязвимых групп в международном праве. М. : РУДН, 2012. 431 с.
5. Горбунов С. Н., Молчанов Б. А. Возмещение вреда за исторические несправедливости. Архангельск : КИРА, 2013. 489 с.
6. Van Dyke V. Collective Entities and Moral Rights: Problems in Liberal-Democratic Thought // *The Journal of Politics*. 1982. No 44. Pp. 21—40.
7. Dinstein Y. Collective Human Rights of People and Minorities // *International and Comparative Law Quarterly*. 1976. No. 25. Pp. 116—119.
8. Jones P. Human Rights, Group Rights and People's Rights // *Human Rights Quarterly*. 1999. Vol. 21. Pp. 78—83.
9. Walzer M. *Spheres of Justice: A Defence of Pluralism and Equality*. New York : Basic Books, 1983. 345 p.
10. Боев В. М., Глущенко П. П., Сербин М. В. Правозащитная деятельность: современная теория и практика защиты прав, свобод и законных интересов граждан : моногр. М. : Юрист, 2014. 400 с.
11. Михайлов В. В. Геноцид как средство решения этнокультурных противоречий в Османской империи в годы господства пантюркистской идеологии младотурецкого правительства // *Власть и культура : темат. сб. межвуз. конф. по исторической психологии*, 25 ноября 2006 г. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2007. 528 с. С. 294—300.
12. Алексаян С. Р. Принцип равноправия и самоопределение народов в современном международном праве : дисс... канд. юрид. наук. М., 2017. 226 с.
13. Смыслов М. Д. Международно-правовая защита меньшинств // *Московский журнал международного права*. 1993. № 1. С. 99—112.
14. Николаев Д. Г. Политические основания и условия признания независимости Абхазии, Южной Осетии и Косово : автореф. дис... канд. полит. наук. М., 2011. 23 с.
15. Possible Ways and Means of Facilitating the Peaceful and Constructive Solutions of Problems involving Minorities. UN Doc. E/CN. 4/Sub.2/1993/34, 10 August 1993. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/170889>.
16. Thornberry P. Images of Autonomy and Individual and Collective Rights in International Human Rights on the Rights of Minorities // *Autonomy: Applications and Implications* / Ed. by M. Suksi. Kluwer Law International, 1998. Pp. 96—124.
17. Томсинов В. А. «Крымское право», или юридические основания для воссоединения Крыма с Россией // *Вестник Московского университета*. Сер. 11. Право. 2014. № 5. С. 3—32.

REFERENCES

1. Napso M. B., Napso M. D. Rights of peoples and rights of the individual: socio-philosophical and legal aspects of the relationship between individual and collective rights. *Law and politics*, 2012, no. 11, pp. 1907—1917. (In Russ.)
2. Regeda E. V. *Collective rights of ethnic communities in the constitutional law of the Russian Federation. Abstract of Diss. of the Cand. of Law*. Penza, 2009. 27 pp. (In Russ.)
3. Romanov A. A. Collective and group dimension in the study of the legal personality of an ethnic community. In: *Collective rights of ethnic communities: problems of theory and practice: coll. of sci. works*. Editor-in-chief Yu. V. Popkov, I. S. Tarbastaeva. Novosibirsk, Publ. House "Manuscript", 2017. 196 pp. Pp. 81—89. (In Russ.)
4. Alisiech E. S. *Promotion and protection of the rights of vulnerable groups in international law*. Moscow, RUDN, 2012. 431 pp. (In Russ.)
5. Gorbunov S. N., Molchanov B. A. *Compensation for historical injustice*. Arkhangelsk, KIRA, 2013. 489 pp. (In Russ.)
6. Van Dyke V. Collective Entities and Moral Rights: Problems in Liberal-Democratic Thought. *Journal of Politics*, 1982, no. 44, pp. 21—40.
7. Dinstein Y. Collective Human Rights of People and Minorities. *International and Comparative Law Quarterly*, 1976, no. 25, pp. 116—119.

8. Jones P. Human Rights, Group Rights and People's Rights. *Human Rights Quarterly*, 1999, vol. 21, pp. 78—83.
9. Walzer M. *Spheres of Justice: A Defence of Pluralism and Equality*. New York, Basic Books, 1983. 345 pp.
10. Boer V. M., Glushchenko P. P., Serbin M. V. *Human rights activity: modern theory and practice of protection of rights, freedoms and legitimate interests of citizens. Monography*. Moscow, Publ. House "Yurist", 2014. 400 pp. (In Russ.)
11. Mikhailov V. V. Genocide as a means of solving ethnic and cultural contradictions in the Ottoman Empire during the years of the pan-Turkist ideology of the young Turk government. In: *Power and culture: coll. of the inter-university conf. on historical psychology on November 25, 2006*. Saint Petersburg, SPBU Publishing house, 2007. 528 pp. Pp. 294—300. (In Russ.)
12. Aleksanyan S. R. *Principle of equal rights and self-determination of peoples in modern international law. Diss. of the Cand. of Law*. Moscow, 2017. 226 pp. (In Russ.)
13. Smyslov M. D. International legal protection of minorities. *Moscow journal of international law*, 1993, no. 1, pp. 99—112. (In Russ.)
14. Nikolayev D. G. *Political grounds and conditions for recognizing the independence of Abkhazia, South Ossetia and Kosovo. Abstract of Diss. of the Cand. of Political Science*. Moscow, 2011. 23 pp. (In Russ.)
15. *Possible Ways and Means of Facilitating the Peaceful and Constructive Solutions of Problems involving Minorities. UN Doc. E/CN.4/Sub.2/1993/34, 10 August 1993*. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/170889>.
16. Thornberry P. Images of Autonomy and Individual and Collective Rights in International Human Rights on the Rights of Minorities. In: *Autonomy: Applications and Implications*. Ed. by M. Suksi. Kluwer Law International, 1998. Pp. 96—124.
17. Tomsinov V. A. "Crimean law" or Legal grounds for the reunification of Crimea with Russia. *Bulletin of the Moscow University. Series 11 Law*, 2014, no. 5, pp. 3—32. (In Russ.)

Как цитировать статью: Лосев К. В., Михайлов В. В. Автономия и национальное самоопределение как формы правовой защиты коллективных (групповых) прав // Бизнес. Образование. Право. 2020. № 3 (52). С. 272–277. DOI: 10.25683/VOLBI.2020.52.328.

For citation: Losev K. V., Mikhailov V. V. Autonomy and national self-determination as the forms of legal protection of collective (group) rights. *Business. Education. Law*, 2020, no. 3, pp. 272–277. DOI: 10.25683/VOLBI.2020.52.328.

УДК 343.2/.7; 343.9
ББК 67.408; 67.51

DOI: 10.25683/VOLBI.2020.52.362

Rakhmanova Ekaterina Nikolaevna,
Doctor of Law, Associated Professor,
Head of the Department of Criminal Law,
North-West Branch
of the Russian State University of Justice,
Russian Federation, Saint Petersburg,
e-mail: ekaterina.rachmanova@gmail.com

Рахманова Екатерина Николаевна,
д-р юрид. наук, доцент,
заведующий кафедрой уголовного права,
Северо-Западный филиал
Российского государственного университета правосудия,
Российская Федерация, г. Санкт-Петербург,
e-mail: ekaterina.rachmanova@gmail.com

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 20-011-00414 А «Уголовно-правовые и криминологические проблемы противодействия в сфере спорта»
The reported study was funded by RFBR, project number 20-011-00414 A "Legal and Criminological Challenges of Fighting Sports Crimes"

КОРРУПЦИЯ В СПОРТЕ: ПРОБЛЕМЫ СПОРТИВНОЙ АВТОНОМИИ И УПРАВЛЕНИЯ

CORRUPTION IN SPORTS: PROBLEMS OF SPORTS AUTONOMY AND MANAGEMENT

12.00.08 — Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

12.00.08 — Criminal law and criminology; criminal and penal law

По независимым оценкам, от 800 млн до 1,2 млрд человек в мире занимаются любительским или профессиональным спортом. На развитие современного спорта серьезное влияние и даже разрушительное воздействие оказывают тенденции последних десятилетий, такие как профессионализация, политикализация, коммерциализация и медиализация, а также автономия и ненадлежащее управление спортом. Современный профессиональный спорт — это индустрия с многомиллионным оборотом, которая охватывает, помимо спортивных соревнований, многие виды экономической деятельности с ограниченными требованиями к отчетности и прозрачности. По некоторым оценкам, спортивная индустрия приносит годовой доход более 145 млрд долларов США. Связь между коррупцией и спортом имеет давнюю историю, но коррупционные и допинговые скандалы последних лет, как в стране, так и

за рубежом, показали, что коррупция не появляется сама по себе, изолированно от спортивной среды, она отражает ситуацию, сложившуюся в спорте в целом. Исторически спортивные организации пользуются значительной автономией в управлении и независимы от государства. Их деятельность регулируется собственными правилами и уставами. Большинство решений в спорте принимаются за закрытыми дверями. В результате принцип автономии в спорте превратился в своего рода щит, защищающий спортивные организации разного уровня, от международных до национальных, от вмешательства в их деятельность государственных органов. В этом контексте спортивные организации, являясь некоммерческими, особенно уязвимы и подвержены коррупционным рискам из-за быстро растущих и практически никем не контролируемых источников финансовых доходов и ресурсов.